

ЗАПИСКИ СОЛДАТА ПАМФИЛА НАЗАРОВА

ВЪ ИНОЧЕСТВѢ МИТРОФАНА

1792—1839 гг.

Назаровъ поступилъ въ военную службу въ сентябрѣ великаго 1812 года, 20-ти-лѣтнимъ безграмотнымъ крестьянскимъ парнемъ Корчевскаго уѣзда, Тверской губерніи, а отставку получилъ въ 1836 году. Въ теченіе этого промежутка онъ исколесилъ бѣольшую часть Европы и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, при чемъ нѣсколько разъ былъ раненъ и даже изувѣченъ. За это онъ былъ щедро награждаемъ знаками отличія и уволенъ съ пенсіей 80 руб. асс. въ годъ; но хотя въ эпоху ланкастерскихъ школъ и выучился грамотѣ, письму и ариметикѣ, однако до офицерства не дошелъ. И такъ служба его не была особенно блистательна.

Но за то Назаровъ оставилъ записки о своей военной службѣ, которыя, кромѣ происхожденія отъ простаго солдата, замѣчательны тѣмъ, что нисколько не похожи на записки, веденныя лицами изъ другихъ сословій, потому что послѣднія болѣе или менѣе наполнены исторіею, государственными и военными соображеніями, вообще общественнымъ интересомъ, между тѣмъ какъ у Назарова ничего такого нѣтъ и онъ занимается исключительно разсказомъ о себѣ и своихъ обстоятельствахъ; при этомъ, такъ какъ онъ былъ «однимъ изъ толпы» солдатской, то въ запискахъ его рисуются многія черты послѣдней. Соображая же, что Назаровъ всегда отличался честностью, правдивостью надобно полагать, что и черты солдатскаго быта, имъ приводимыя, точны и истинны. Въ частности же о военныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ касается Назаровъ, почерпавшій свѣдѣнія изъ недоступной другимъ солдатской бесѣды, сообщаетъ немало любопытнаго, а черты поля битвы послѣ сраженія, находящіяся въ тѣхъ случаяхъ, когда Назаровъ былъ раненъ, даже очень интересны.

Записокъ Назарова осталось нѣсколько списковъ. Старѣйшій по извѣстности списокъ Корчевскій, посланный Назаровымъ въ 1839 году своимъ

деревенскимъ родственникамъ, которые сдѣлали его довольно извѣстнымъ въ своей мѣстности, такъ что наши Корчевскіе знакомые безъ большого труда могли достать его. Въ Ярославлѣ извѣстнѣйшій списокъ—собственный Назарова, который, за недавнюю смерть этого старца, поступилъ въ собственность Спасскаго монастыря.

Къ запискамъ мы присоединили нѣсколько писемъ разныхъ лицъ къ Назарову и отъ Назарова къ нѣкоторымъ родственникамъ и знакомымъ, потому что они продолжаютъ знакомство читателя съ Назаровымъ еще на 5 лѣтъ послѣ записокъ и вмѣстѣ поясняютъ процессъ, какъ изъ стараго, закаленного въ бояхъ солдата, вырабатывается типъ книжнаго начетчика и даже ревнителя по благочестію ¹⁾).

Ярославль.

В. И. Лѣствицынъ.

I.

Тверской губерніи, города Корчевы, села Селихова, деревни Филимонова, экономической вотчины, крестьянинъ Памфилъ Назаровъ сынъ Назаровъ родился въ 1792 году, февраля 9-го дня, а крещенъ 16-го дня сего мѣсяца.

По смерти родителя я остался очень молодъ, имѣя отъ роду не болѣе пяти лѣтъ. До совершеннаго возраста лѣтомъ занимался крестьянскими работами, зимою пережигалъ уголья. Съ 1811 года, сентября, обучался ковать гвозди и занимался довольно хорошо до мѣсяца апрѣля 1812 года. Въ семь году разосланы были указы о наборѣ въ рекруты. Я, услышавъ такую вѣсть, предвидѣлъ свою судьбу, что мнѣ не миновать военной службы, весьма опечалился, что настанетъ для меня время оставить мать и братьевъ, изъ которыхъ большой братъ былъ женатъ и уже имѣлъ сына, который былъ моимъ крестникомъ; второй братъ былъ также женатъ; а я третій холостой, четвертый братъ былъ еще малолѣтний. Большой братъ воспиталъ насъ вмѣсто отца, второй братъ былъ очень слабъ здоровьемъ и худъ тѣлосложеніемъ, а я былъ взрослый дѣтина, четвертый былъ малъ; оттого я нерѣдко судьбу свою оплакивалъ на единѣ. Мѣсяца сентября 1812 года десятникъ приказываетъ дѣдушкѣ идти на сходъ; я сей день ждалъ его дома и не могъ ничего дѣлать, легъ на лавку, якобы отдох-

¹⁾ Письма эти, какъ не имѣющія общаго интереса, опущены нами въ печати. Ред.

нута, а самъ обливалъ свое лице горькими слезами, ожидая прискорбной вѣсти. Приходитъ дѣдушко съ дядюшкой Никономъ Ивановичемъ въ домъ, заплакалъ, говоря семейству, матушкѣ и братцамъ, что наше семейство записано четвертою семьею; съ нимъ заплакало и семейство; я молчу, притворяясь крѣпко спящимъ, а самъ подушку обмочаю слезами, потомъ встаю и спрашиваю: «что такое за плачь»? Дѣдушка говоритъ, что семью нашу записали четвертою; я облился слезами и поспѣшилъ къ товарищу Θεодору Ивановичу. Пришедши въ домъ его, я увидѣлъ окружающее его родство плачущимъ; онъ, увидѣвши меня, бросился ко мнѣ на встрѣчу, обнявъ залился горькими слезами; и сказалъ я: «ну, братъ, вѣрно намъ въ послѣдній разъ гостить въ родительскихъ домахъ!» Его семья записана пятою. И пошли мы съ нимъ въ мой родительскій домъ; я приказалъ заложить тройку лошадей, чтобы ѣхать проститься съ родственниками въ село Селихово, Дубровки и деревни Чублово, гдѣ останемся у товарища, нѣсколько часовъ гостили. Отправившись къ родительскому дому, всѣ мои родные у воротъ меня встрѣчаютъ, заливаясь слезами, а для меня привѣтствіе сіе было весьма прискорбно и жалостно; въ домѣ падаютъ на колѣни предо мною, братья, невѣстки и престарѣлый дѣдушко, который проситъ, чтобы я пошелъ охотою въ военную службу за братьевъ и миленькій мой крестничекъ двухъ-лѣтній припалъ, по наученію родителей, къ моимъ стопамъ. И на сіи прошенія я ничего не отвѣчалъ, ибо я зналъ, что судьба моя быть въ военной службѣ. Матушка, не внимая родственникамъ и сосѣдямъ, совѣтовавшимъ отдать меня безъ жеребья, отвѣчала: «что для меня всѣ равны». Батюшко крестный Пименъ Ивановичъ и сестрица Авдотья Назаровна совѣтовали матушкѣ кинуть жеребій, что и было исполнено; но я сказалъ матушкѣ, что кину жеребій въ Казенной Палатѣ и при семъ словѣ, упавши къ родительскимъ стопамъ, благодарилъ за оказанныя милости.

Послѣ того приходитъ десятникъ съ приказаніемъ утромъ рано быть въ деревню Марьино, откуда будутъ отправлены всѣ семейства въ Тверь; получа таковое приказаніе, мы всю ночь не спали; я матушку просилъ остаться дома, а дѣдушку и братцевъ ѣхать со мной. Собравшись поутру и получа родительское благословеніе, отправился съ ними въ путь и простясь съ про-

вожающими насъ родственниками и сосѣдами, съ плачемъ и жалостью, мы разстались. Въ Твери на постоянный дворъ, на которомъ мы остановились, приходитъ староста выборный съ приказаніемъ всѣмъ намъ немедленно быть въ Казенной Палатѣ; по выходѣ съ квартиры на дворъ, падаютъ къ ногамъ моимъ братцы и дѣдушко, просятъ меня, чтобы я пошелъ охотою за братьевъ; я облился слезами и пошелъ поспѣшно въ Казенной Палатѣ; смотрѣлъ какъ раздѣваютъ и подводятъ подъ мѣру. Вдругъ подходитъ ко мнѣ дѣдушко и зоветъ меня въ Палату, гдѣ приказано было намъ раздѣваться и быть въ рубашкахъ. И встали противъ зеркала въ присутствіи губернатора, у котораго въ рукахъ были реестры; онъ, перекликавши по онимъ наше семейство, спросилъ: «кто изъ васъ Памфилъ?» я жалкимъ голосомъ отвѣчалъ: «я Памфилъ»; посмотрѣвъ на меня, онъ подаль знакъ головою позади меня стоящему солдату, котораго я не замѣтилъ, чтобы онъ снялъ съ меня рубашку; рубашку сняли, что показалось мнѣ очень странно, и въ какой пришелъ стыдъ и робость, когда увидѣлъ окружающихъ меня нѣсколько сотъ человѣкъ, которые обратили на меня вниманіе, какъ бы на осужденнаго. Губернаторъ приказалъ привести меня къ лекарю, который, осмотрѣвъ во рту и по всей наружности, спросилъ меня: «всѣмъ ли здоровъ?», я отвѣчалъ что всѣмъ здоровъ, и лекарь доложилъ Губернатору, что я всѣмъ здоровъ. Губернаторъ приказалъ поставить меня въ мѣру и было во мнѣ два аршина, четыре вершка и пять осьмыхъ. Губернаторъ приказалъ «лобъ!», что и было исполнено; одѣваюсь въ платье и беру меня подъ стражу. Послѣ набора повели къ присягѣ, а потомъ поставили на квартиру. Я приказываю братцу Михайлу Назарычу ѣхать немедленно домой на 60 верстъ отъ города привести матушку и прочихъ. Онъ, отправившись съ вечера, пріѣхалъ на утренней зарѣ; поставивши лошадь у воротъ, самъ поспѣшно идетъ въ родительскій домъ, обливаясь слезами, исправляетъ поклонъ отъ меня какъ отъ новаго солдата; для матушки сей поклонъ былъ великимъ ударомъ, она сдѣлалась на нѣсколько минутъ внѣ ума; на второй день утромъ они прибыли къ намъ, когда я былъ на перекичѣ, послѣ которой офицеръ приказалъ разойтись по квартирамъ; вдругъ я подбѣгаю къ матушкѣ, она увидѣвши меня, облилась слезами. Прибывши на квартиру, я сталъ уговаривать матушку, чтобы она, вмѣсто слезъ, проливала мо-

литвы къ Богу. Пробывъ на оной квартирѣ нѣсколько дней съ сродственниками, присланъ былъ указъ, что рекрутъ Тверской губерніи представить по почтѣ въ С.-Петербургъ. И приказано было собраться намъ на плацъ-парадное мѣсто, гдѣ и приготовлены были подводы; партіонный командиръ, сдѣлавъ переключку, приказалъ садиться на подводы; родители мои не досмотрѣли, какъ я сѣлъ на подводу и уѣхалъ не простясь; для меня сіе было весьма прискорбно, что я въ послѣдній разъ не сподобился проститься и получить родительское благословеніе.

Прибыли мы въ С.-Петербургъ октября 3-го 1812 года въ Смольныя казармы, гдѣ и ночевали, а утромъ былъ приказъ представить насъ въ мраморный дворецъ на смотръ его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу. И выстроили насъ въ большихъ залахъ, куда приходитъ его высочество и, приказавъ отступить заднимъ двумъ шеренгамъ, началъ сортовать, кого въ гвардію, кого въ армію; меня назначилъ въ армію. Лишь только я успѣлъ переступить не больше два шага, то онъ посмотрѣвши на меня сзади, схватилъ меня за плечо и назначилъ лейбъ-гвардію въ Финляндскій полкъ, въ который я и былъ отправленъ въ измайловскія казармы. Служа нѣсколько дней, былъ посланъ съ товарищами за дровами для топки, гдѣ встрѣтился со мною его императорское величество Александръ I-й, шедши по берегу рѣки Фонтанки, спросилъ меня: «какого полка и за чѣмъ пришли»? Я робкимъ голосомъ отвѣчалъ: «лейбъ-гвардію Финляндскаго полка, пришли за дровами, ваше императорское величество»! Было приказано обучать насъ военному артикулу. Божьею милостію и родительскимъ благословеніемъ я понялъ весьма скоро, только отъ великой жалости объ родителяхъ и военныхъ строгостей приключилась мнѣ болѣзнь, отъ которой я нѣсколько разъ въ сутки былъ внѣ ума, каковая болѣзнь продолжалась до двухъ недѣль; во время болѣзни у меня было унесено изъ ранца: рубашки, холстъ, въ которомъ было пятнадцать рублей ассигнаціями, и прочее. Я печалился о томъ, что не успѣлъ поносить родительскихъ рубашекъ, а принужденъ былъ покупать съ рынку. Спустя немного дней, приказано было насъ посылать въ городовую караулъ; бывшій въ караулѣ у офицерскихъ вещей унтеръ-офицеръ, напившись пьянъ съ рекрутомъ въ трактирѣ, приходитъ въ караулный домъ послѣ пробитія зори, принудилъ

меня отстоять еще 3 часа за того рекрута, съ которымъ онъ былъ въ трактирѣ, каковое приказаніе я исполнилъ съ охотою; сверхъ того принудилъ меня обучать рекрута не въ указные часы, на что я ему и отвѣчалъ: «что я самъ ничего не знаю и въ непоказанные часы не могу обучать»; за каковой мой отвѣтъ онъ разбилъ меня до крови; но я не только не хотѣлъ принести жалобу, но и терпѣлъ великодушно.

Вышелъ приказъ отправить насъ въ полкъ, который преслѣдовалъ француза изъ Москвы; его императорское высочество позволилъ насъ смотрѣть въ парадѣ; мѣсяца февраля проходили мимо его императорскаго высочества взводами и колоннами. На Семеновскомъ плацѣ-парадномъ мѣстѣ отслужа благодарственный молебень, выступили въ Московскую Заставу и его императорское высочество, и множество народа провожали насъ молодыхъ солдатъ, и были намъ даны подводы подъ ранцы и подъ ружья, а аммуниція была на насъ. Прибыли мы въ Пруссію на перемиріе, гдѣ и былъ я выбранъ полковымъ командиромъ въ 6-ю егерскую роту и приказано было насъ обучать стрѣлять въ цѣль боевыми патронами. Но какъ мое ружье осѣклось, то капитанъ приказалъ отмѣтить за неисправность моего ружья. Послѣ ученья былъ наказанъ передъ ротою двумя палками, разъ одинъ снявши аммуницію, въ мундирѣ.

II.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1813 г. вышелъ приказъ вступить въ дѣйствительное сраженіе противъ непріятеля, котораго гнали мы чрезъ Силезію, Богемію и Саксонію до города Дрездена, подъ которымъ непріятель началъ сраженіе, которое продолжалось двой сутки пушечною пальбою, а для ружейнаго сраженія была ненастная погода, почему армія неотступно была на одномъ мѣстѣ, при чемъ претерпѣвала недостатокъ въ провіантѣ и неудовольствіе отъ мокрой погоды; начали мы палить чиненными бомбами, отъ которыхъ загорѣлся городъ и его императорское величество приказалъ отступить гвардейскому корпусу на два тракта до города Теплица — первой дивизіи большимъ трактомъ, а нашей второй дивизіи проселочной дорогой. Для насъ сей трактъ былъ неудобенъ

по причинѣ лѣса и болотъ, а непріятель слѣпно насъ преслѣдовалъ; наша артиллерія и конница сбили насъ съ дороги и мы принуждены были идти по болотамъ и валежнику, каковой отступъ былъ для насъ очень прискорбенъ; начали мы отступать отъ города съ 9 часовъ вечера и продолжали до 8 часовъ утра; подошли къ деревушкѣ, которая была не болѣе 10 дворовъ; подъ оною расположились на полѣ для сваренія варки; не успѣвъ оную начать, какъ услышали непріятельскій выстрѣлъ, который убилъ барабанщика лейбъ-Гренадерскаго полка; командиръ тотчасъ приказалъ одѣваться и немедленно отступать; продолжая отступление до полуночи, многіе изъ насъ лишились обуви, въ числѣ коихъ былъ и я. Сей день былъ для войска очень прискорбенъ по причинѣ недостатка въ провіантѣ и обуви, и по причинѣ сырой погоды. Лишь только мы вышли изъ лѣса на поле, то увидѣли, что догоняетъ насъ императоръ Александръ I-й съ главнокомандующимъ Барклай-де-Толли, который показывалъ на войско, идущее босыми ногами. Увидѣвши сіе императоръ горько прослезился и вынувши изъ кармана бѣлый платокъ, началъ утираться. Я, увидѣвъ сіе, заплакалъ. Дошедши до Саксонской границы, мы остановили непріятеля, куда прибылъ армейскій корпусъ и смѣнивши насъ вступилъ въ дѣйствіе; а намъ приказано было присоединиться къ первой гвардейской дивизіи подъ городомъ Теплицемъ; мы еще не успѣли подойти какъ узнали, что первая дивизія уже начала сраженіе, то мы наиболѣе поспѣшали къ оной на помощь. Замѣтивши сіе непріятель, что мы пришли на помощь, началъ обратно отступать; его высочество напалъ на него съ конницею, пересѣкъ ему дорогу подъ Кульмою и взялъ его обозы и множество пѣхоты; но армейскому корпусу приказано было преслѣдовать его, а намъ приказано было каждой колоннѣ остановиться на своемъ мѣстѣ, гдѣ и объѣзжалъ его величество Александръ I-й со всею свитою, осматривалъ тѣла убитыхъ и поздравлялъ насъ съ побѣдою; поокончаніи осмотра онъ поѣхалъ на квартиру въ городъ Теплицъ, куда и намъ приказано было отступить. По утру былъ отданъ приказъ всему гвардейскому корпусу быть въ парадѣ для благодарственного молебна, по совершеніи котораго была пушечная пальба и ружейные выстрѣлы въ присутствіи Государя; а такъ какъ въ семь городѣ были теплыя воды, то Го-

сударь внесъ не малое количество суммы, чтобы гвардейскій корпусъ могъ мыться безъ запрещенія, гдѣ и я сподобился помыться. И въ сей же день было приказано погребать тѣла убитыхъ; а при отбитіи французскаго обоза и я имѣлъ счастье получить башмаки и штиблеты. Въ сіи дни не доставало провіанту, то и армія питалась картофлемъ и фруктовыми плодами. Пробывши на семъ мѣстѣ нѣсколько дней намъ приказано было подступать подъ городъ Лейпцигъ, гдѣ до прибытія нашего, армія была уже одни сутки въ сраженіи; прибывши мы подъ оной, увидѣли расположеніе всей арміи, нашей и французской. Подѣзжаетъ къ намъ его высочество, приказываетъ заряжать ружья и вступить въ сраженіе, въ которомъ я былъ раненъ пулею на вылетъ въ правую ногу по выше колѣнка съ поврежденіемъ жилъ и нѣсколько разъ прострѣлена шинель и изъ ранъ моихъ потекла кровь, столь тепла, какъ горячая вода. И немедленно пошелъ я на отступъ, не много отшедши, сдѣлалось мнѣ дурно; я упалъ ничкомъ на землю, и сколько лежалъ не помню. Подходить ко мнѣ раненный унтеръ-офицеръ нашей роты, и узнавши меня, началъ поднимать; спрашиваетъ меня: «могу сколько нибудь идти»? я отвѣчалъ, что нѣсколько могу, онъ повелъ. Но было еще опасно, ибо ядра летали мимо насъ, почему онъ и оставилъ меня одного и я помаленьку добирался до деревни, которая была не болѣе двухъ верстъ, въ которой находились полковыя знамена и ящики, музыканты и лекаря для перевязки раненныхъ, гдѣ и я былъ перевязанъ октября 4 дня 1813 года. Было уже поздно вечеромъ и я пошелъ по большому тракту неизвѣстно куда; дошедши до огня, увидѣлъ, что при ономъ находится прусакъ и нашей роты солдатъ раненный, отъ котораго я получилъ два огурчика соленыхъ, которые для меня были очень пріятны, дороги и подкрѣпительны. Снявши ранецъ, легъ подлѣ онаго огня, у котораго проспалъ до 6 часовъ утра; проснувшись, увидѣлъ около себя множество крови, которая текла изъ раны; перевязавъ рану и надѣвъ аммуницію и ранецъ, выхожу на дорогу, подпираясь ружьемъ вмѣсто костыля; по той же дорогѣ догоняютъ меня два раненные солдата нашей роты, съ которыми я шелъ не болѣе двухъ верстъ, до попавшейся намъ деревни, въ которой мы ночевали; а нога моя такъ распухла, что невозможно было даже снять и сапога, почему я принужденъ былъ разрѣзать для освобожденія ноги, а вмѣсто его

надѣлъ пеньковый чунъ и продолжалъ путь нѣсколько дней до назначеннаго госпиталя; а раны наши болѣе и болѣе увеличивали болѣзнь, почему мы и принуждены были просить подводу. Приѣхавши въ Саксонскую землю въ городъ Плевъ,¹⁾ узнали, что весь городъ былъ наполненъ ранеными, даже и дома, и намъ ни гдѣ не оставалось мѣста, гдѣ бы могли пользоваться здоровьемъ; почему и приказано насъ отвести на кладбище въ костель, въ которомъ было раненыхъ около 400 человекъ, гдѣ и я былъ положенъ 16 октября. При раненыхъ не отступно были нѣмецкіе лекаря, фельдшера и служители. Поутру даютъ мнѣ два костыля, на которыхъ бы я могъ ходить на перевязку; приходятъ лекаря, и перевязываютъ наши раны, я увидѣвши мою рану уже совсѣмъ загнившуюся, потому что не была перевязана 13 дней, лекарь беретъ иглу толщиною въ куриное перо и длиною въ 5 вершковъ и продѣваетъ сквозь рану корпію съ мазью съ такимъ мученіемъ для меня, что невозможно было терпѣть; представьте себѣ просунуть иглу съ мягкою бечевочкою въ рану смертельно опасную, между тѣмъ какъ таковое мученіе было для меня каждый день, потому что сію веревочку перемѣняли утромъ и вечеромъ каждый день, а на мѣсто ея ставили новую, намазанную пластыремъ и продолжали нѣсколько дней. Получивши совершенное выздоровленіе отъ ранъ, я не могъ ходить безъ костылей, потому что жили у ноги светло и она не разгибалась; но товарищи мои начали смѣяться, будто бы я по лукавству хожу на костыляхъ, а не по принужденію, каковыя слова они мнѣ повторяли очень часто, что мнѣ показалось обидно; я желалъ имъ доказать безпритворство свое тѣмъ, что при ихъ видѣ ударилъ ногою о полъ и порвалъ жилы и рану сдѣлалъ еще мучительнѣе первой; почему и принужденъ былъ опять лечиться болѣе 6 недѣль въ госпиталѣ, изъ котораго вышелъ на новый, 1814 годъ, а нога моя была прямая, только коротка на полвершка въ сравненіи съ лѣвой. Постоявши нѣсколько дней на квартирѣ, я былъ присоединенъ къ командѣ, которая шла изъ прочихъ госпиталей въ армію; и получилъ отъ коменданта сапоги и утромъ отправился. Прошедши не болѣе 4 версты я почувствовалъ сильную ломоту и, по причинѣ опухоли въ ногѣ отъ раны, идти далѣе не могъ. Офицеръ тотчасъ прика-

¹⁾ Вѣроятно Плауен.

заль посадилъ меня на фурманку и провезъ нѣсколько дней привезъ въ Баварію и представилъ опять въ госпиталь. Сапоги съ меня сняли и лечили немного времени. Выпустили опять на квартиру, съ которой немного спустя времени былъ опять отправленъ въ армію уже безъ костылей, только немного хромалъ и даны мнѣ были казенные сапоги. Пришли подъ городъ Бауценъ, гдѣ и былъ въ дѣйствительномъ сраженіи марта 9-го и 10-го числа. Отъ сего города непріятеля мы гнали до города Парижа безъ остановки марта 19-го дня 1814 г., гдѣ и приказано было нашему полку вступить въ сраженіе. Но такъ какъ казакъ, которому отдано было сіе приказаніе, не могъ насъ найти, то и вступилъ вмѣсто насъ Прусскій гвардейскій полкъ, который и былъ почти совершенно разбитъ, а мы уже пришли на помощь къ небольшому количеству оставшихся солдатъ и, увидѣвши такое жалкое позорище, обомлѣли отъ страха, и не знали что дѣлать; но съ помощію Божію и съ благословеніемъ священника крестомъ вступили въ сраженіе. Лишь только начали, какъ увидѣли, что отворяются ворота и выѣзжаетъ изъ крѣпости посолъ съ грамотою и ключами отъ города и объявляетъ, что городъ сдается. Генераль отрядной командиръ, получивши ключи и пакетъ, подаль знавъ, снявъ съ себя шляпу, впнулъ ее вверхъ, а близъ его стоявшій адъютантъ сдѣлалъ тоже и мы кричали: «ура»! нѣсколько разъ. Послѣ сего приказано было намъ остаться при сей заставѣ до утра, а того дня вечеромъ приказано было приготовляться къ параду для вступленія въ Парижъ въ 6 часовъ утра.

По утру прибылъ къ заставѣ, у которой мы стояли, его императорское величество, Александръ I, австрійскій императоръ, прусскій король и главнокомандующіе; всѣ они нѣсколько минутъ совѣтовались о вступленіи въ Парижъ; эскадрону казаковъ приказано было ѣхать спереди, позади ихъ императоръ Александръ I, съ правой стороны ѣхалъ австрійскій императоръ, съ лѣвой прусскій король и Константинъ Павловичъ, нѣсколько позади ихъ главнокомандующіе, свита и конвой. Потомъ шель преображенскій полкъ; за нимъ австрійскій гвардейскій 1-й полкъ и послѣ него прусскій гвардейскій полкъ 1-й. Такимъ порядкомъ всѣ три корпуса шли попеременно, за нимъ армейскіе корпуса. Шествіе Парижемъ продолжалось отъ 8 часовъ утра до 9 часовъ вечера. Входъ въ Парижъ былъ весьма торжественный; по коему проспекту мы

шли, то нѣсколько тысячъ народа кричали: «вивать Александру! вивать Россійскому войску!» каковыя крики были для насъ ощутительны и пріятны, а народъ толпами стекался смотрѣть, такъ что не было ни одного окна пустаго, ни одной крыши, ни одного строенія, которое бы не было полно радостнымъ народомъ и любопытными зрителями.

Пройдя Парижъ, приказано было остановиться на полѣ до 4 часовъ утра и было приказано вступить въ казармы Парижскія; а армейскіе корпуса преслѣдовали непріятеля до моря. Стоять въ Парижѣ было для насъ не выгодно: частыя парады, ученіе и караулы. Спустя нѣсколько дней пріѣхали великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи и изволили вѣзхать въ заставу, гдѣ и стояли баталіоны Лейбъ-гвардіи измайловскаго полка. Привѣтствуя полки, великіе князья сказали: «охъ вы Россійскіе орлы, куда вы залетѣли!» Это привѣтствіе было для насъ весьма пріятно, и подлинно, пролетѣли 12 земель, какъ орлы.

Въ Парижѣ мы были 2 мѣсяца и 6 дней.

Получивши приказъ возвратиться въ Россійскіе предѣлы, первая дивизія отправилась прямо на Балтійское (?) море, гдѣ и были приготовлены для нихъ корабли, на которыхъ отправились въ С.-Петербургъ; а вторая дивизія продолжала путь до города Берлина, Прусской столицы, близь которой были встрѣчены торжественно прусскимъ королемъ со всею его гвардіею. Вступивши въ оный парадомъ, проходили взводами у дворца на площади, гдѣ присутствовалъ его королевское величество и расположились по квартирамъ и обывательскимъ домамъ; гостепріимствомъ были очень довольны. Въ сей же вечеръ былъ отданъ приказъ, чтобы по утру быть готовыми на обѣдъ къ его королевскому величеству всей гвардейской дивизіи, а нашему полку быть на площади противъ дворца, гдѣ были приготовлены столы съ кушаньемъ и напитками, куда и пріѣхалъ его королевское величество. Роты его величества унтеръ-офицеръ, по приказанію, поднесъ рюмку водки королю, отъ котораго и получилъ въ награду червонецъ золота и лишь только король взялъ рюмку, то поздравилъ насъ съ побѣдою, и мы прокричали «Ура!» Приказалъ кушать, а самъ, сѣвши на коня, поскакалъ въ другимъ полкамъ. Кончивши обѣдъ, мы начали забавляться съ прусскимъ полкомъ и обывательскими зрителями до вечера,

а потомъ разошлись по квартирамъ. Въ 4-й день вышли до города Любека, который стоитъ на берегу Балтійскаго моря, гдѣ были приготовлены 13 кораблей Россійскихъ; сѣли мы на оныя и отправились въ путь. Плывши нѣсколько дней благополучно, вдругъ возстала сильная буря и на кораблѣ «Женъ Міроносицъ» поломало мачты, на которомъ находился и я. Устрашась таковой бури, мы, бывши въ отчаяніи, бросили якорь и подали знакъ пушечнымъ выстрѣломъ, выкинули флагъ, а прочіе 12 кораблей подоспѣли къ намъ на помощь и, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, поставили новые мачты и опять пустились въ путь. Но буря день ото дня увеличивалась и корабли наши непрестанно качала, отъ чего мы лишились пищи и нѣсколько дней были не здоровы, но мертвыхъ ни одного не было. Подъѣзжая къ городу Кронштадту, мы увидѣли, что тамъ, выкинувши флагъ, привѣтствовали насъ пушечною пальбой; равнымъ образомъ и мы подали знакъ и отвѣчали тѣми же выстрѣлами, и подѣхавши, переправились на берегъ, въ городъ Ораніенбаумъ, 6 верстъ моремъ отъ Кронштадта, близъ котораго остановились по квартирамъ. По утру отправились подъ С.-Петербургъ, а на 4-й день вступали въ городъ въ триумфальныя вновь устроенныя ворота, на которыхъ написаны были гвардейскіе полки, вступающіе въ оныя, гдѣ и встрѣтили Императоръ со всею августѣйшею фамиліею и множествомъ обывателей, и проходили мимо императора взводами, и отправились по своимъ казармамъ. Пришедши въ оныя, были награждены обществомъ по рублю серебромъ и по сайкѣ; но въ продолженіи всей зимы было очень жестокое ученье; а при началѣ весны непріятель опять открылъ войну и намъ приказано было отправиться въ походъ и дошли до города Риги; расположились по фатерамъ и стояли до осени, но какъ узнали, что непріятель вторично побѣжденъ, возвратились обратно въ Россію.

III.

1816 года, мѣсяца сентября, началъ я обучаться грамотѣ и въ Рождеству уже могъ читать псалтирь и писать письма. Многіе же изъ моихъ товарищей, видя столь скорый мой успѣхъ, пожелали и сами учиться и я имъ былъ учителемъ, въ особенности же Егору Гавриловичу, который теперь (1839 г.) монахомъ на Валаамѣ. Время же свободное отъ службы я раздѣлялъ такъ: днемъ послѣ обѣда и до вечера учился писать, по вечерамъ же занимался чтеніемъ, а, между прочимъ, занимался на счетахъ и 1-ю частью ариметики. Въ 1824 году, ноября 7-го дня, было ужасное наводненіе въ С.-Петербургѣ, которое началось въ 8 часовъ утра, а начало убывать вечеромъ, но въ полночи совершенно обсохли всѣ проспекты, надъ которыми вода возвышалась до 2-хъ аршинъ съ половиною. Въ 1821 году, февраля 9-го дня, я уволенъ былъ въ домовую отпускъ по 1-е мая для свиданія съ родственниками; живши дома, получилъ письмо отъ товарища, который извѣщалъ меня, что войско тронулось въ походъ подъ Турку¹⁾; прибывши изъ домашнего отпуска въ Петербургъ мая 4-го, я отправился въ походъ іюня 1-го и прибылъ въ полеъ подъ городомъ Вильно; расположившись на кантонирь-фатерахъ, стояли на оныхъ нѣсколько мѣсяцевъ и прибыли въ С.-Петербургъ въ 1822 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Въ 1825 году, ноября мѣсяца, случилась кончина жизни Императора Александра I въ Таганрогѣ и вѣчная память его доблестямъ! Также принятіе присяги Императору Николаю I, при которой случилось ужасное кровопролитіе, гдѣ находился и я. Въ 1826 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, получили мы знаки отличія за Французскую войну и взятіе города Парижа съ портретомъ Его Императорскаго Величества Александра I и сіяніемъ Всевидящаго ока на георгіевской лентѣ; а на другой сторонѣ «за взятіе города Парижа, марта 19-го дня 1814 года.» Получивши оные знаки, мы отправились въ Москву на коронованіе Его Императорскаго Величества Николая Павловича. Пройдя Новгородъ, я уволенъ былъ, по милости начальства, въ домовую

¹⁾ Это былъ походъ не подъ Турку а въ Италію; гвардія дошла только до Вильны.

отпускъ, гдѣ и былъ 20 дней, а явился въ городъ Клинь, Московской губерніи. Вступя въ Москву, расположились въ казармахъ и спустя нѣсколько дней прибылъ Его Величество Императоръ Николай I, котораго встрѣчали парадомъ всѣ гвардейскіе батальоны и множество армейскихъ полковъ. Государь Императоръ изволилъ ѣхать верхомъ съ Михаиломъ Павловичемъ и прочая свита, а Императрица Марія Теодоровна и Александра Теодоровна и прочія княжны и княгини ѣхали въ разныхъ берлинахъ, т. е. въ украшенныхъ великолѣпныхъ каретахъ ослеркой; сѣтеніе было оглашаемо колокольнымъ звономъ, криками народа, пушечною пальбою; и проѣхавши кремль государь остановился въ грановитой палатѣ.

Августа 22-го числа императоръ принялъ корону, и были розданы жетончики серебряные, величиною съ двугривенный, съ надписью: «Николай I-й», который и я получилъ. А сентября 21-го выступили изъ Москвы въ С.-Петербургъ; 24-го сентября пришли въ городъ Клинь и я, по милости начальства, былъ уволенъ въ родительскій домъ на Покровъ Пресвятыя Богородицы, при которомъ праздниѣ и имѣлъ счастье видѣться съ родственниками и отпущенъ былъ по 5-е октября. Сего числа, отправившись изъ дома, догналъ роту въ городѣ Валдаѣ и, прибывши въ Петербургъ, встрѣчены были императоромъ, и отправились въ казармы. 1828 года апрѣля 3-го дня выступилъ весь нашъ корпусъ гвардейскій изъ С.-Петербурга до рѣки Дуная, которая граничитъ съ Турецкою землею. Іюля 27-го перешли Дунай за границу въ Турецкія владѣнія чрезъ крѣпость Исаѣи, городъ Бабадахъ, берегомъ Чернаго моря, крѣпость Кистинжа, города Монголію (!) и Коварну, крѣпость Варну, гдѣ, за лихорадкою, отправленъ 13-го сентября въ Крымскіе предѣлы въ городъ Севастополь. Когда отправились отъ крѣпости Варны на корабляхъ по Черному морю, возсталъ сильная буря и продолжалась мучительною болѣзнію, отъ каковой бури на кораблѣ померло 12 человекъ, изъ коихъ десять бросили въ море, а двоихъ вынесли на берегъ и я былъ при смерти, но Богъ избавилъ меня отъ смерти и глбели. Прибывши въ городъ Севастополь, я былъ отправленъ въ Александровскій госпиталь, гдѣ и былъ до февраля мѣсяца; а по выздоровленіи прибылъ къ полку марта 18-го дня 1829 года на кантониръ-квартиры Каменецъ-Подольской губерніи въ

мѣстечкѣ Голованевскѣ; а оттуда, въ ономъ же году мая 24-го, на кантонирѣ же квартиры Кіевской губерніи, въ мѣстечко Смѣло; а изъ онаго, октября съ 28-го, проходили чрезъ Кіевскую губернію въ С.-Петербургъ по 10-е февраля 1830 года. Прибыли въ Кіевъ, дневали 2 дня, въ которомъ былъ изготвленъ для насъ отъ общества обѣдъ; а въ продолженіи двухъ дней я посѣщалъ свѣтлыя мѣста—Кіевопечерскую Лавру и отстоявши раннюю—въ Лаврѣ, пожелали мы отслужить молебень чудотворному образу Печерскія Божія Матери и, купивши по свѣчкѣ, пошли въ 1 Антоніевы пещеры ко святымъ мощамъ съ монахомъ, который намъ показывалъ, гдѣ какіе почиваютъ; но мы, оставши отъ монаха, по любопытству, пробыли въ одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ покуда не пришелъ другой монахъ, набравши другую партію поклонниковъ, отъ котораго мы узнали, что были заперты въ пещерахъ, потому что наша партія вышла, а о насъ и не знали, что мы еще остались, но намъ казалось, что мы ходили все за ними. Таковое чудо меня удивило, потому что показалось время очень коротко, а между тѣмъ какъ товарищи уже успѣли обойти и другія пещеры, и мы находились все въ одной пещерѣ, но, къ счастію нашему, пришелъ другой монахъ съ проѣзжающимъ купцомъ, къ коимъ и мы пристали и удостоились милости поклониться Святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ и во вторыхъ пещерахъ; также былъ въ монастырѣ великомученицы Варвары и въ храмѣ Андрея Первозваннаго. Выступили изъ Кіева въ Черниговъ; отсюда въ Смоленскъ, Старорусъ и Новъ-городъ. Остановившись въ Ижорѣ по квартирамъ, получили по медали, изображающей въ сіяніи животворящій крестъ и внизу лунникъ, который служитъ вмѣсто креста на главахъ мечетей, а съ другой стороны съ надписью: «за Турецкую войну за 1828 и 1829 годы», и вступили въ С.-Петербургъ парадомъ, и были встрѣчены императоромъ Николаемъ и всѣми жителями.

IV.

1831 года мы находились въ походѣ противъ польскихъ мятежниковъ. Переправясь чрезъ границу Царства Польскаго, 24-го февраля въ предѣлахъ онаго въ экспедиціи для воспрепятствованія мятежникамъ переправиться чрезъ рѣки Бугъ и Нареву и для разгнанія ихъ партій, съ 22-го по 26-е марта отъ города Остроленка до селенія Прижетиць, съ 28-го по 30-е марта же обратно отъ селенія Прижетиць до города Остроленка, съ 9-го по 12-е апрѣля въ мѣстечко Вонѣво, 13 въ мѣсто Нуръ, съ 20-го по 23-е обратно въ Остроленку, съ 30-го по 1-е мая въ селеніе Прижетицы, въ отступленіи отъ села Прижетиць чрезъ мѣсто Тыкочинъ за рѣку Наревъ, съ 4-го по 9-е мая при семъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ: мая 6-го подъ селеніемъ Соколовымъ и старымъ Иацомъ, 8-го подъ деревнею Рудками въ лѣсу, гдѣ и раненъ въ правую ногу пулею навывлетъ съ поврежденіемъ костей и жилъ, за что и награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена Св. Георгія подъ № 64,665. Получивши оную рану, упалъ на землю и почувствовалъ, что нога моя совершенно была выбита изъ колѣна, такъ что не могъ перейти сажени, но увидя близъ себя большое дерево, я, чрезъ силу, скрылся за него для безопасности и лежалъ тутъ до вечера и сраженіе было неотступно на томъ мѣстѣ, гдѣ я былъ раненъ. И много было нашей роты убитыхъ и раненныхъ; пушечная пальба и крикъ ура все заглушали и представляли какое-то странное и непонятное смѣшеніе природы, такъ что ужасно было смотрѣть. Вдругъ мимо меня идетъ нашей роты солдатъ и ведетъ съ собою плѣннаго поляка, увидѣвши меня остановился и спросилъ: могли я идти хотя сколько нибудь? Но я отвѣчалъ, что ничего не могу. Тогда онъ, снявши съ меня всю аммуницію, положивши на шинель, понесъ съ полякомъ полемъ къ селенію Рудкамъ, и увидѣвши впереди себя идущихъ двухъ солдатъ моихъ друзей, которые присоединясь къ нему понесли меня уже четверо къ деревнѣ Рудкамъ и положили на дорогѣ на моей шинели и смотрять, что полякъ уже палить впереди насъ. Потому имъ меня нести некуда и говорятъ мнѣ: «что намъ съ тобою дѣлать, нести некуда, а оставить—непріятель идетъ за нами, заколетъ

тебя штыкомъ». Я плачу и они плачутъ обо мнѣ и говорятъ: «мы тебя положимъ въ избѣ, а на дорогѣ задавятъ тебя»,—потому что время было ночное темное. Я просилъ ихъ со слезами не покинуть меня въ тяжелой моей болѣзни и бѣдѣ, и они стали со мной плакать и не знали, что со мной дѣлать? Нести меня некуда и оставить меня жалко. Рѣшился я ихъ отпустить, а себя велѣлъ внести въ избу; вдругъ гдѣ ни взялся бригадный командиръ и отрядной; у него товарищъ мой испрося позволеніе нести меня раненаго, взялъ скамью, на которой меня несли и съ позволенія, положивши на скамью, понесли. И, нѣсколько отнеся, догоняетъ насъ нашего полка 8-я егерская рота. Фельдфебель спросилъ: «какой роты и кто раненый?» мои товарищи отвѣчали: «Памфилъ Назаровъ». Онъ услышавши обо мнѣ, приказалъ меня нести своимъ 8-ми человѣкамъ, ибо онъ меня зналъ; а мои товарищи шли сзади, а меня несли, какъ мертваго. Отнеся нѣсколько, приказано имъ было остановиться и удержать непріятеля; поставивши меня на дорогѣ, товарищи мои не знаютъ, что дѣлать, оставить-ли, нести-ли куда. При такихъ обстоятельствахъ плачевныхъ вдругъ подходитъ капитанскій человѣкъ, искавшій капитана нашей роты и подведя лошадь, спрашиваетъ, кто раненъ, сказали, что Памфилъ Назаровъ. Онъ меня тотчасъ посадилъ на лошадь и я простаясь съ своими товарищами, какъ съ мертвыми, потому что я отчаялся ихъ видѣть живыми, также они меня, и поѣхалъ въ корчму (трактиръ) разстояніе на двѣ версты отъ этого мѣста, у которой были приготовлены для раненыхъ подводы, лекаря, фельдшера, но какъ узналъ, что подводы были угнаны съ ранеными, то онъ принужденъ былъ вести меня до другой корчмы, но приѣхавши къ другой корчмѣ, въ которой никого не было, ѣхалъ до третьей, разстояніемъ на три версты, гдѣ было множество раненыхъ и лекаря, и фельдшера, и были приготовлены подводы для отправки раненыхъ въ Бѣлостокъ; и я былъ въ одной повозкѣ положенъ; подходитъ фельдшеръ съ служителями и приказываетъ меня нести для перевязки въ корчму, но я зналъ, что нога моя будетъ отнята, я не позволилъ себя нести, почему онъ принесъ на меня жалобу лекарю, который, подошедши ко мнѣ, просилъ, чтобы я позволилъ себя внести, но я и лекарю тоже отвѣтилъ, что прикажите меня перевязать здѣсь; ибо для меня будетъ очень трудно,

чтобы переносить съ мѣста на мѣсто. Онъ, послушавши меня, прислалъ фельдшера и приказалъ меня перевязать въ повозкѣ, и отправились мы до города Тывочина, гдѣ мнѣ отъ недостатка провіанта и истеченія крови приключился сильный жаръ и мучила жажда, потому мнѣ нѣсколько разъ подавали пить мутную и грязную воду изъ колесной колеи, потому что чистой воды нигдѣ не было. Прошедши сей городъ, зажгли мостъ чрезъ рѣку и начали съ непріятелемъ сраженіе, гдѣ и было нѣсколько убитыхъ нашего полка. Но отступя не болѣе 5-ти верстъ, приказано было сварить вареву, гдѣ и наши подводы были остановлены для прокормленія лошадей и узнавши мои товарищи, приходили и со мною прощались какъ съ мертвымъ. Я этого ничего не помню, а уже узналъ послѣ. И которые были при мнѣ сапоги и тѣ были унесены, а меня оставили въ одной рубашкѣ и шинели кровавой, а ранецъ мой былъ оставленъ на мѣстѣ сраженія, въ которомъ были казенныя вещи и прочее, какъ-то: кавалерія за Турецкую войну и кавалерія за взятіе Парижа, псалтирь и рубашки. И отселъ поѣхали въ Бѣлостокъ городъ, гдѣ и положенъ былъ въ госпиталь; пищи никакой не употреблялъ, кромѣ овсяннаго киселя съ медомъ нѣсколько ложекъ. Въ теченіи 3-хъ недѣль лежалъ я; дали мнѣ потомъ два костыля, на которыхъ-бы мнѣ можно было выдти освѣжиться чистымъ воздухомъ; но я однажды часу въ 5-мъ по утру пошелъ и поскользнувшись на костыляхъ, упалъ и разбилъ себѣ ногу болѣе прежняго, почему и принужденъ былъ лежать еще болѣе 6-ти недѣль. Раны мои залечили, а опухоль и ломота въ ногѣ болѣе усилились. Лекаръ полагалъ, что эта матерія осталась, которая не вышла въ раны, почему и приказалъ сдѣлать мазь съ купороснымъ масломъ, для растравленія раны на свѣжемъ мѣстѣ выше колѣна, и выпустить матерію, и лишь только успѣлъ приложить мазь съ купороснымъ масломъ, то сія мазь такъ начала дѣйствовать, какъ огонь, почему я былъ внѣ ума, мнѣ было тошно; но еще собравшись съ силами, кое какъ выбрался на улицу и сѣлъ на камень. Увидавши меня хозяинъ-солдатъ, выдающій пищу больнымъ, спросилъ: «что я не ужинаю?» но я отвѣчалъ, что мнѣ не до ужина, ибо чувствую, что ядъ сильно дѣйствовать началъ, такъ что на меня напала тошнота и круженіе въ головѣ, почему хозяинъ и присовѣтовалъ мнѣ отвязать

и бросить мазь. Пришедши въ госпиталь на свою кровать, я послушался его и отвязавши увидѣлъ, что подъ пластыремъ тѣло точно уголь все сгорѣло; я, взявши ножичекъ, вырѣзалъ, не чувствуя никакой боли, и сдѣлалъ рану величиною съ голубиное яйцо. Сіе узнавши фельдфебель егерскаго полка, давъ деревяннаго масла и сдѣлавши корпію, приложилъ къ ранѣ; почему и сдѣлалось мнѣ гораздо лучше; залечивши оную рану, болѣе 6-ти недѣль опухоль еще не отступала. Приходитъ главный докторъ, котораго я просилъ, чтобы онъ припустилъ мнѣ пивви, но онъ обидѣвшись симъ, арестовалъ меня на хлѣбъ и на воду, полагая, что я учу его, какъ лечить. Лишь только онъ вышелъ изъ комнаты, въ которой я лежалъ, то я сказалъ, что какъ пріѣдетъ его высочество въ госпиталь, принесу на него жалобу; но находившійся въ сей комнатѣ фельдшеръ, услышавши сіе, разсказалъ доктору все, что я говорилъ. Выслушавши это докторъ тотчасъ приказалъ по утру выдать мнѣ полную порцію. Оному же доктору приказано было осмотрѣть нашу неспособность, который осмотрѣвши, отнесся бумагами къ его высочеству и его высочество меня назначилъ въ гвардейскій инвалидъ и, приказалъ расположившись на квартирахъ, пробыть до весны. Мая 28-го 1832 года присланъ былъ отъ его высочества приказъ представить насъ въ С.-Петербургъ и дана намъ была на двоихъ подвода. Прибывъ въ Царское Село, гдѣ встрѣтилъ меня раненый со мною, который уже находился въ инвалидѣ, обнявъ меня дружески, поздравляетъ меня съ монаршею милостью и говорить, что вкрестъ Георгія Великомученика присланъ тебѣ изъ полка въ здѣшній инвалидъ и лежитъ уже болѣе полугода; я ему повѣрилъ и нѣтъ, потому что сомнѣвался. Отселѣ отправили насъ въ С.-Петербургъ гвардейскаго инвалида въ бригадную канцелярію, гдѣ, узнавши объ моемъ пріѣздѣ, отдѣленный унтеръ-офицеръ пришелъ ко мнѣ и, обнявшись со мною, заливался слезами отъ радости, потому что Богъ сподобилъ насъ съ нимъ видѣться и поздравлялъ меня съ тѣмъ же, но я и сему не повѣрилъ; но онъ меня увѣрялъ и сказалъ: «что какъ Богъ Святъ, видишь на мнѣ крестъ, и тебѣ присланъ». Я облился слезами и благодарилъ Бога, что онъ сподобилъ меня заслужить такую монаршую милость. Изъ бригадной канцеляріи обратно были отправлены въ Царское Село къ полковому командиру, отъ котораго

и получилъ знакъ отличія крестъ Георгіевской; имъ же самимъ назначенъ въ гвардейскій инвалидъ 2-го нумера роту, куда былъ съ унтеръ-офицеромъ пѣшекомъ на востылѣ. Не болѣе отойдя какъ съ версту, сѣлъ на дорогѣ а далѣе идти не могъ, но, къ счастью нашему, ѣхалъ огородникъ и везъ телѣгу навозу; мы начали его просить, чтобы онъ посадилъ меня и довезъ до города Павловска; мужикъ на сіе согласился и довезъ (5 верстъ разстоянія). 1832 года, мѣсяца ноября въ городѣ Павловскѣ въ гвардейскомъ инвалидѣ 2-й роты нужно мнѣ было ѣхать въ С.-Петербургъ для того, чтобы взять оттуда сундукъ съ вещами. Тамъ на чудскомъ мосту идучи на костыляхъ и поскользнувшись, я упалъ и повредилъ раненое колѣню, такъ что нѣсколько времени лежалъ на семъ мѣстѣ, какъ будто на жернову. Мнѣ сдѣлалось тошно и сердце замерло. Въ раненомъ колѣнѣ я чувствовалъ ломъ и опухоль. Дошедши, хотя съ великимъ трудомъ, до Финляндскаго полка лазарету, приставилъ къ раненому колѣну 12 пѣвоекъ и всю ночь около меня были фельдшеръ и другъ мой любезный Иванъ Ивановичъ. Онъ весьма сожалѣлъ о моемъ несчастіи, что я получилъ такой ударъ. И въ сей день навѣстили своихъ товарищей, и былъ у ротнаго командира капитана Наумова, который поздравилъ меня съ получениемъ ордена Георгія побѣдоносца и наградивъ четвертачкомъ, сказалъ мнѣ: «что ты думалъ, я тебя забылъ? Нѣтъ никогда не забуду твоей услуги, которая предо мною свята». Прибывши въ городъ Павловскъ въ роту свою, посылаютъ меня въ городовое правленіе смотрѣть за караульными вмѣсто ефрейтора и, служа въ оной ротѣ до 1834 года декабря 23-го дня, былъ представленъ къ отставкѣ въ безсрочный отпускъ. И, по прибытіи въ С.-Петербургъ, изволилъ смотрѣть его высочество, а на утро самъ императоръ—въ Михайловскомъ манежѣ, куда пріѣхала и государыня императрица Александра Теодоровна и съ дочерью Марією Николаевной. Императоръ изволилъ ѣхать подлѣ коляски верхомъ. Обѣхалъ Государь фрунтъ кругомъ; войско непрерывно кричало: ура! Государь всталъ посреди манежа, гдѣ проходили взводами и колоннами; въ послѣдній уже разъ Его Величество приказалъ остановиться и подойдя, простался съ нами со слезами, благодарилъ насъ за вѣрность и храбрость, и просилъ, въ случаѣ проѣзда, выходить и съ нимъ поздороваться; въ семъ собраніи было насъ

около 5000 и отпускъ сей именовался кавалерскій, ибо всѣ безъ изъятія были кавалеры при открытіи монумента вѣчной памяти Александра I. Простившись мы съ императоромъ и императрицею и дочерью ихъ, остались въ манежѣ, куда пріѣхалъ къ намъ его высочество и просилъ насъ, чтобы мы окружили его и благодарилъ насъ за храбрость и долготѣльную службу и простился со слезами.

V.

Получивши безсрочные билеты, мы отправились кто куда пожелалъ, но я пожелалъ остаться въ С.-Петербургѣ. Не имѣя никакой должности, я нанялъ себѣ квартиру, за 10 рублей въ мѣсяцъ, и на оной проживалъ 6 недѣль. Нашедши должность въ Казанскомъ соборѣ, прихожу туда. Я узналъ своего товарища, служившаго тутъ при ономъ болѣе двухъ лѣтъ и который меня рекомендовалъ протоіерею такъ, что я и нестою того; изъ онаго собора, послужа нѣсколько дней, я пошелъ въ высочайшій комитетъ, гдѣ и былъ осмотрѣнъ генеральскими членами и главнымъ докторомъ, и былъ награжденъ пенсіею по смерти мою 80-ти рублями ассигнаціями въ годъ. Немного спустя времени получилъ я знакъ отличія кавалерію св. Анны за двадцатилѣтнюю службу безпорочную. Потомъ я пошелъ въ храмъ праведныхъ Симеона и Анны, гдѣ благодарилъ Бога за полученіе награды отъ царя. Также получилъ польскій крестъ за военное достоинство и войну польскую съ означеніемъ латинскими буквами: *Militari virtuti*, т. е. за военную храбрость.

О переводеѣ изъ роты въ роту и о должностяхъ скажу вамъ что: съ рекрутства я опредѣленъ въ 8-ю егерскую роту, а въ прибытіе въ полкъ въ Пруссію на перемиріе выбранъ былъ полковымъ командиромъ въ 6-ю егерскую роту, а въ 1815 былъ выбранъ полковникомъ Ахлестышевымъ въ 2-ю карабинерную роту въ стрѣлковый взводъ; послужа въ оной не болѣе двухъ лѣтъ былъ избранъ въ должность въ отдѣленные расходчики. Постановивши унтеръ-офицеръ отдѣленіе, которое составляетъ болѣе 50 человѣкъ и спрашиваетъ оныхъ: «кого вы желаете избрать въ расходчики?» Всѣ отвѣчали: «Памфила Назарова». Услышавши сію вѣсть для меня

нежелательную, я просилъ освобожденія, зная, что сія должность весьма опасна. Прихожу въ унтеръ-офицеру и прошу освободить меня отъ сей должности. Онъ опять приказываетъ встать всему отдѣленію и спрашиваетъ, чтобы уволить, но они отвѣчали что «мы желаемъ его». Я заплакалъ и пошелъ къ своей кровати, но они, нагнавши меня, схватили на руки и качали съ крикомъ: «ура»! Сію должность я несъ 5 лѣтъ. Въ этой же ротѣ бывши я на ротномъ ученіи, которою командовалъ поручикъ другой роты и часто повторялъ мнѣ смотрѣть на право, когда онъ велъ противъ солнца. Но я не могъ смотрѣть по болѣзни моихъ глазъ, то онъ, подошедши ко мнѣ, ударилъ меня въ щеку такъ сильно, что я и теперь помню и никогда не забуду. Сей же поручикъ училъ насъ въ казармахъ ружейнымъ приѣмамъ съ приступомъ, который замѣтилъ, что я не приступаю, какъ мои товарищи, по причинѣ раны, но онъ думалъ, что я не хочу дѣлать по лѣнности, подошедши ударилъ меня по спинѣ такъ сильно, что я упалъ на нары и съ ружьемъ. 1826 года, мѣсяца марта, его императорское величество Николай I изволилъ насъ смотрѣть въ манежѣ и выбралъ меня во 2-ю егерскую роту въ 1-й баталіонъ. Черезъ недѣлю приказано было намъ выступить изъ С.-Петербурга до города Ораніенбаума, разстояніемъ на 35 верстъ, для занятія караула и приказано остановиться на кантониръ квартиры. Дождавшись дня свѣтлаго Воскресенья я плакалъ не утѣшно, разлучили меня отъ друзей. И въ такой день, въ который даже птицы и животныя радуются и веселятся, но я былъ печаленъ. Пробывши до осени въ ономъ городѣ, приказано было намъ возвратиться въ С.-Петербургъ, и долженъ придти 2-й баталіонъ нашего полка, какъ оставшійся провіантъ нашего баталіона было приказано у всѣхъ ротъ снять и 2-му баталіону сдать, каковую должность поручили мнѣ. Собравши весь провіантъ, было приказано караулить мнѣ, покуда не придетъ баталіонъ и, во время моего тамъ пребыванія, я имѣлъ страхъ и ужасъ, потому что былъ оставленъ въ казармахъ одинъ и въ отдаленіи отъ города, въ лѣсу. Сдавши провіантъ, отправился, по желанію, въ городъ Кронштадтъ, въ которомъ пробылъ сутки и отправился на машинѣ въ С.-Петербургъ. Заплатилъ 80 копѣекъ, разстояніемъ 25 верстъ въ 2 часа. Прибывши въ роту и спустя нѣсколько дней былъ уволенъ ротный староста и расходчикъ ротный по недостатку здоровья, для

которой должности и нужно было избрать такого солдата, который бы былъ достоинъ. Почему капитанъ Румянцевъ, собравши роту, спросилъ: «кого они пожелаютъ въ такую должность, вмѣсто бывшаго уволеннаго отъ должности старосты?» Они отвѣчали: «Памфила Назарова». Я ихъ началъ просить объ освобожденіи отъ должности, но они нѣсколько разъ повторяли: «Памфила Назарова», на что я и рѣшился и правилъ оную должность до исключенія въ инвалидъ.

1836 года января 4-го дня получилъ я слѣдующій паспортъ и пробывши въ Казанскомъ соборѣ до мѣсяца апрѣля, нанявши подводу, отправился въ родительской домъ и пріѣхалъ въ 4-мъ часу по полудни въ Лазарево воскресенье; родительницею и родственниками былъ принятъ весьма пріятно, у которыхъ гостилъ Пасху, а Николинъ день гостилъ у родственникововъ, Вознесенье у сестрицы, Троицынъ день у дядюшки и нѣсколько бывши дней открываю имъ свое намѣреніе и говорю, что я съ вами не много времени буду, потому что я намѣренъ исполнить свой обѣтъ, именно: желаю посвятить себя иноческому чину. Они, услышавши отъ меня такую вѣсть, опечалились; а я, погостивши у нихъ до 1-го іюня, отправился въ Москву и изъ оной въ Сергію преподобному. Подвозили меня: матушка и братъ Михайло, двѣ племянницы Василиса Михайловна и Матрена Ивановна и миленькая моя крестница Настасья Михайловна. Отслушавши Божественную литургію, я проводилъ ихъ обратно болѣе двухъ верстъ и нѣсколько поплакавши, разстались съ великою горестію и для меня и для нихъ; но миленькая моя племянница, прощаясь со мною сказала: «жизнь наша! какъ намъ тебя забыть!» Каковыя слова тронули меня до глубины души и, отойдя отъ нихъ не болѣе съ четверть версты, обратился и сдѣлалъ имъ послѣдній поклонъ; но они отъ горести пали на землю. И шедши полемъ до Лавры, я чувствовалъ сильную печаль и просилъ угодника Божія, чтобы онъ облегчилъ мою печаль. Пришедши на квартиру, я не могъ долго быть, но взявши чемоданъ, пошелъ къ монастырю и увидѣвши тройку лошадей, спросилъ извозчика: «куда онъ ѣдетъ?» Онъ сказалъ: «что прямымъ трактомъ по большой дорогѣ къ городу Переславлю, разстояніемъ на 35 верстъ. Доѣхавши и переночевавши у него, я, поутру вставши, пошелъ

пѣшкомъ и прибылъ въ городъ Переславль, въ позднія обѣдни, въ Федоровскій дѣвичій монастырь, гдѣ было освященіе храма, при которомъ священнодѣйствіи находился архимандритъ Фотій, пріѣхавшій изъ Новгорода съ графиней Орловою, отъ котораго я и получилъ благословеніе, и отправился въ путь и, отойдя 12 верстъ, ночевалъ. Вставши поутру и нѣсколько верстъ отойдя, перебѣгаетъ мнѣ волкъ дорогу, котораго я не замѣтилъ, и подошелъ къ нему разстояніемъ на двѣ сажени; но Богъ избавилъ меня отъ опасности и я пошелъ далѣе до города Петрова, гдѣ купилъ лапти и, надѣвши оныя, удивился, видя себя въ такой странной обуви, каковою не обувался болѣе 25-ти лѣтъ. Пришедши въ городъ Ростовъ въ Яковлевскій монастырь въ 8 часовъ вечера, ночевалъ въ гостинницѣ и сильно уставши, не могъ ни пить ни ѣсть, но легъ спать. Вставши поутру и отстоявши утреню и отпѣвши молебень угодникамъ Божиимъ Іакову и Димитрію, пошелъ въ соборъ за раннюю обѣдню, и послѣ оной отслужилъ молебень угодникамъ Божиимъ Леонтію и Игнатію и купивши калачи перекусить, увидѣлъ тройку лошадей съ сѣдовами въ городу Ярославлю, съ коими сѣлъ и отправился въ Ярославль 9-го числа іюня вечеромъ и ночевалъ на постояломъ дворѣ, что на Которосли. Вставши поутру пошелъ въ Спасскій монастырь и увидѣлъ отца Адріана, съ коимъ поздоровавшись и отстоявши утреню, пошелъ къ нему въ келейку и прогостилъ у него до 13-го числа. Обо всемъ я распросивши его, узналъ, что вакансіи праздной нѣтъ, и послушаніе здѣсь очень тяжелое, но я какъ калѣка, то неспособенъ переносить послушаніе, почему и пошелъ немедленно искать подводу до Москвы. Напедши и давши задатокъ 80 копѣекъ, пошелъ проститься къ отцу Адріану во время поздней обѣдни, съ которымъ и пошелъ въ келейку, чтобы взять чемоданъ, но не успѣли еще взойти, какъ присылаетъ архіепископъ Авраамъ своего келейника и требуетъ насъ обоихъ къ нему. Увидѣвши меня, владыко сказалъ мнѣ: «лицо твое знакомо». Я ему отвѣчалъ, что нѣсколько разъ сподоблялся получить благословеніе отъ васъ владыко святой, когда вы были въ С.-Петербургѣ на чередѣ. Онъ опять обратился къ отцу Адріану: «объ этомъ-ли ты мнѣ говорилъ?» Объ этомъ, отецъ Адріанъ отвѣчалъ. И спрашиваетъ меня владыко: «куда желаешь?» Я отвѣчалъ, что по моей неспособности я не могу переносить тяжелыхъ послушаній и такъ какъ здѣсь

нѣтъ празднои вакаси, то и хочу обратно отправиться въ Москву. Но онъ мнѣ сказалъ смиреннымъ голосомъ: «послужи ты у меня Богородицѣ Печерской». Услышавши сіи слова, я облившись слезами, палъ въ ноги и воображалъ себѣ, что кто меня просить, и кому служить! я считалъ себя недостойнымъ толиваго архипастырскаго великодушія, и ставилъ для себя очень дорого здѣсь остаться, почему и рѣшился. Вдругъ владыко потребовалъ писмоводителя и приказываетъ, взявши паспортъ, написать съ онаго прошеніе и къ оному подписаться мнѣ съ надеждою монашества. Въ тотъ же часъ и отослано было въ консисторію; и багъ сей день суббота, а на утро въ воскресенье я занималъ должность свѣчника у Преображенія за второю раннею обѣдней и стоялъ у ящика, также ходилъ съ блюдомъ, и собиралъ на церковное строеніе, и входилъ въ алтарь подавать кадило, каковымъ поступкомъ я удивилъ предстоящихъ за ранней обѣдней; всѣ на меня смотрятъ и удивляются, что солдатъ въ кавалеріяхъ и стоитъ у свѣчъ вмѣсто старосты; каковыя разныя послушанія проходилъ до 28-го сентября. Сего дня, послѣ ранней обѣдни, приходитъ архимандритъ и приказываетъ мнѣ снять должность свѣчника, который былъ назначенъ въ Толгу, а вмѣсто его привязано было заступить мнѣ. Въ 1839 году, мѣсяца іюня, архимандритъ приказываетъ мнѣ подавать прошеніе владыкѣ Евгенію, которое было подано и отослано въ С.-Петербургъ въ святѣйшій синодъ, который и разрѣшилъ приготовляться мнѣ къ постриженію. Но получивши въ мѣсяцѣ сентябрѣ, 23-го числа, указъ изъ С.-Петербурга, владыкѣ разсудилось отложить до Филиппова поста по той причинѣ, что по уставу святыхъ отцевъ, по принятіи монашскаго чина, должно поститься 40 дней и, по немощи моеи, отложено было до 23-го ноября.

VI.

22-го ноября 1839 г., обойдя всю братію и прося прощенія и благословенія, пришелъ архимандриту, который приказалъ мнѣ идти къ владыкѣ для полученія пастырскаго благословенія. Прихожу ко владыкѣ, который выходитъ ко мнѣ и я, падши къ ногамъ, просилъ прощенія и благословенія для принятія ангельскаго чина и просилъ его излить о мнѣ грѣшномъ теплыя молитвы Господу Богу, чтобъ онъ укрѣпилъ меня въ подвигахъ, каковыя я воспринялъ для спасенія души своей. Владыко, взявши икону преподобнаго Геннадія и благословивъ меня оною, сказалъ: «давно я желалъ тебя видѣть въ ангельскомъ чинѣ» и даетъ книгу преподобнаго Варсонофія, и сказалъ мнѣ: «что подарилъ бы я тебѣ ее, но она для меня самого нужна, но даю тебѣ пользоваться полгода, а потомъ возвратить мнѣ». Пришедши въ свою келію, я обливался слезами отъ радости и приготавлился къ постриженію. А на утро во время поздней обѣдни предъ малымъ входомъ былъ постриженъ архимандритомъ Никодимомъ въ теплой крестовой большой церкви. А владыко стоялъ у окна праваго клироса, и смотрѣлъ на мое постриженіе. И окружающіе меня 4 іеромонаха (Теокистъ, Теодоритъ, Серафимъ, Макарій), закрывали меня своими мантиями отъ зрителей. Прочитавши правило святыхъ отецъ, надѣваетъ на меня кипарисный крестъ съ парамантомъ, потомъ подрясникъ и ременный поясъ, потомъ рясу и мантию, и обувши въ сандаліи и надѣвши влобузь, и давши въ лѣвую руку четки, поставили меня предъ иконою Спасителя, и дали въ правую руку крестъ, а въ лѣвую—свѣчку, съ которыми я и стоялъ всю литургію неподвижно. Послѣ литургіи приходитъ духовникъ и беретъ у меня свѣчку, и подводитъ меня для принятія Божественныхъ Даровъ; а по принятіи Святыхъ Таинъ, я отдалъ поклонъ престолу и, подошедши къ архимандриту, просилъ благословенія, который благословивши меня, подаетъ мнѣ просфору и цѣлуетъ съ привѣтствіемъ: «Христосъ посреди насъ, брате!» каковому примѣру послѣдовала и вся братія. И послѣ повелъ меня къ архіерею, который благословивши меня, даетъ мнѣ наставленіе: «молись Господу Богу и спасайся, и повторяй чаще молитву сію: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!» И взявши меня, архиман-

дрить повелѣ обратно въ церковь, въ которой было довольно число зрителей, и приказываетъ духовнику отвести меня въ келью, который давши мнѣ свѣчку и крестъ и приведши меня въ келью, благословилъ крестомъ и я, падши къ ногамъ, просилъ его не оставить меня въ своихъ молитвахъ. Ради постриженія отъ меня приготовленъ былъ брати обѣдъ во утѣшеніе. Послѣ обѣда благодарили меня за угощеніе, и разошлись по кельямъ, а во время обѣда я самъ въ мантии читалъ житія святыхъ отецъ и было приказано отъ владыки освободить меня отъ послушанія на 7 дней и быть при каждой службѣ въ мантии. По исполненіи сего срока мнѣ приказано было вступить въ свое послушаніе.

Дрожайшая моя родительница! не желалъ бы я вамъ открыть моего подвига, каковой я перенесъ во время моей жизни, но побудила меня къ тому только единственно любовь къ вамъ и моимъ родственникамъ и уваженіе къ твоей старости, еще побуждали меня и друзья открыть мои подвиги, каковыя открываю и вамъ. Сынъ твой и братъ, вашъ богомолецъ монахъ Митрофанъ, 1839 года, мѣсяца ноября 28-го дня.

VII.

Еще запишу: будучи мальчикомъ, я однажды по неосторожности упалъ съ полатей на полъ и ушибъ голову такъ больно, что нѣсколько минутъ былъ безъ памяти и на головѣ на самомъ темѣ до сихъ поръ остался отъ ушиба признакъ довольно ощутительный. Еще во второй разъ провалившись съ полатнищею, которая была коротка, больно ушибся грудью. Въ третій разъ, когда стоя на голубцѣ смотрѣлъ чрезъ брусъ, оборвавшись упалъ и ушибъ голову.

Не могу и сего умолчать, сколько я благодаренъ своею матушкою. Въ юности моихъ лѣтъ я былъ наказанъ ею жестоко за мое упрямство. Сколько для меня сіе наказаніе было велико, столько всегда остаюсь благодаренъ за исправленіе моего непослушанія. Кромѣ сего наказанія я болѣе никогда отъ нея не по-

лучалъ. Вѣсьма нужно родителямъ своихъ дѣтей исправлять въ самыхъ юныхъ лѣтахъ въ повиновенію. Умѣренное наказаніе все-ляетъ въ юношѣ страхъ и любовь въ родителямъ. Это я на себѣ испыталъ, узнавъ пользу наказанія родительскаго; поэтому я никогда не премину возблагодарить ихъ. Желая вамъ и всѣмъ моимъ родственникамъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ спастися. Помолитесь и о мнѣ грѣшномъ, а вы у меня всегда на памяти моей. Простите. 1839 г. Монахъ Митрофанъ.

Ярославль, 1875 г.

Сообщ. В. И. Лѣствицынъ.
